

ОБСУЖДЕНИЕ СТАТЬИ В. А. ПОПОВА

Д. А. Ольдерогге

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ В РЕКОНСТРУКЦИЯХ ИСТОРИИ ПЕРВОБЫТНОГО ОБЩЕСТВА

Основные положения статьи В. А. Попова представляются мне абсолютно верными. То, что вся статья имеет к тому же подзаголовок «К постановке проблемы», свидетельствует только об осторожности автора, сознающего, по-видимому, недостаточность приводимых им доказательств.

В зарубежной, да и в нашей отечественной этнографии, при изучении общественного строя первичной формации преимущественное внимание обычно уделялось вопросам структуры родовых порядков, всем связанным с ними институтам: системам родства, выяснению типов общинно-родового устройства и многим другим проблемам, несомненно важным, в этом нет никакого сомнения, но некоторые стороны социального строя оставались как бы в тени. К ним относятся вопросы половозрастного деления и организации так называемых возрастных классов. Можно сказать, что в большинстве обобщающих работ по этнографии возобладало мнение, что система возрастных группировок присуща преимущественно народам, занимающимся скотоводством, ввиду того, что это вызывалось потребностями жизни и необходимостью охраны скота от захвата его соседними группировками родов или племен, а также заботами о новых пастбищах, в поисках которых приходилось постоянно перегонять стада. Именно поэтому в Африке особое внимание привлекла к себе военная организация масаев, на примере которой, пожалуй, впервые этнографы получили возможность ознакомиться с системой полувойенной организации типичного скотоводческого общества, жившего еще в условиях родового строя. Позднее была изучена система возрастных классов народа оромо (галла) и соседних с ними народов. Почти все эти народы занимались преимущественно скотоводством, и так установилось мнение, что системы возрастных классов присущи только или почти исключительно скотоводам.

Однако в научной литературе, посвященной описанию народов Западной Африки, встречается немало указаний на существование возрастных делений в среде земледельческих обществ, в частности организаций отрядов мужской молодежи, задачей которых является взаимопомощь, в прошлом родовая взаимопомощь типа толоки, а у народов Северной Африки система *тивизи*. В прошлом эти организации, несомненно, имели военный характер, теперь они приобретают характер коммерческих объединений, артелей, выполняющих работу на условиях оплаты. При этом все такие объединения существуют у народов, основным занятием которых является земледелие. Однако до сих пор нет работ, посвященных выяснению их структуры, за исключением отдельных кратких статей.

В этом отношении работа В. А. Попова представляется мне очень своевременной и заслуживающей внимания, особенно потому, что она рассматривает общественный строй народов языковой группы акан, на-

селяющих южные области Ганы и соседних областей Берега Слоновой Кости. Общественный строй народа асанте изучен довольно хорошо. Связанному с ним кругу проблем посвящены работы, ставшие классическими: это исследования Р. С. Раттрея, таких известных ученых, как М. Форте, М. Херскович, М. Мид и многих других. Однако от их внимания ускользнули следы организации возрастных делений и принципы организации системы асафо в общей структуре половозрастной стратификации общества, взятой в целом.

В основу своей работы В. А. Попов положил известное указание К. Маркса о первом естественном разделении труда, возникшем на основе половых и возрастных различий. Основываясь на этом положении, автор указывает, что половозрастной принцип был определяющим на ранних этапах развития всех обществ первичной формации. Эта несомненно верная мысль К. Маркса оставалась, очевидно, совершенно неизвестной или недооценивалась зарубежными этнографами, занимавшимися лишь описанием «первобытных» обществ Африки как на основании учета литературных данных, так и своего личного знакомства с народностями колоний. Таковы, например, работы М. Д. Джеффриса о дуальной организации у народов Африки или Айзенштадта, где сделана подборка сведений о возрастных классах. Для всех этих работ характерно отсутствие общего взгляда на развитие общественных отношений в целом. Все они молчаливо допускают возможность случайного и необязательного появления тех или иных институтов общественного строя вне зависимости от уровня развития всей системы общественных отношений. Именно в понимании взаимосвязанности возрастных делений с системой возрастных классов, учреждениями родо-племенного строя со всеми его особенностями и уровнем развития общества в целом и заключается положительное значение утверждений В. А. Попова.

В то же время автор привлекает для доказательства своей концепции языковые данные, что можно только приветствовать. Однако он дает всю терминологию языка тви, т. е. языка асанта и фанти, большей частью в русской транскрипции, иногда приводя написание разбираемых им терминов латинскими буквами. Нередко, говоря об общественном строе народов, называемых европейцами акан, авторы, пишущие преимущественно по-английски, дают терминологию в упрощенном виде: «asafo», «akuo» и т. п., что бывает вполне достаточно, если при этом не ставятся задачи выяснять этимологию терминов и проследивать их происхождение. Однако В. А. Попов в своем исследовании пытается решить именно эту задачу — доказать справедливость своих рассуждений посредством разбора этимологии терминов, связанных с системой возрастных классов. Это неизбежно возлагает на него большие требования. Необходимо знать основы грамматического строя того языка, который он исследует. Между тем из статьи видно, что автор не отдает себе отчета в сложности затронутых им вопросов. Так, на с. 93 он пишет: «оберемпон происходит от „obarima” (женский род „obarimawa”». Однако это неверно: языки акан относятся к числу языков, не имеющих грамматического рода. Суффикс — «wa» первоначально имел форму — «ba» и означает не что иное, как существительное «ba» — ребенок, дитя. В функции суффикса он передает незначительную величину, небольшие размеры предметов, их небольшой рост, часть чего-либо и т. п. Так, например: гора — «berow», холм — «berowa», дерево — «ekwae», куст — «akwawwa». Этот же суффикс имеет и другое значение — молодость и старость, т. е. по существу указывает на известную недостаточность силы молодого, равно как и старого возраста. Еще одно его значение, несомненно связанное в смысловом отношении с первым, — существа женского рода, т. е. физически более слабые существа. Наконец, тот же суффикс используется в уменьшительном значении. Как видно, во всех этих случаях речь идет не о противоположности мужского/женского рода, а о противопоставлении большей величины, силы размерам меньшим, более слабым и т. п. Проблемы,

связанные с наличием resp., отсутствием грамматического рода, неоднократно обсуждались в африканистике, и языковедами они считаются давно решенными.

Языки акан относятся к числу языков аморфного типа, и суффиксы, что видно из предшествующего примера, являются по существу именами большей частью односложными, иной раз двусложными. Однако язык тви обнаруживает поразительную способность к образованию новых слов путем составления основных одно/двусложных слов в комплексы. Так, например, образовано слово этнография — «*ɛmaŋ-ho-pɛm*». Первая его часть «*ɛmaŋ*» означает поселение больших размеров, чем деревня; город; людей, обитающих в этом селении или городе; «группу людей, объединенных под властью кого-либо; народ в противоположность вождям. Вторая составная часть слова — «*ho*» не что иное, как существительное «*ɛ-ho*» — внешность, поверхность, цвет (т. е. внешний вид кожи, например). Третья часть — «*pɛm*» представляет форму множественного числа от слова «*asɛm*» — слово, образованное при помощи носового звука «*p*» — слова, рассказы, разговоры и т. д.

Для того чтобы показать сложность выяснения этимологии отдельных слов, приведу такой пример: «*ɛmaŋ-ma-ɛbofo*» означает посланец. Это слово составлено из разобранных выше «*ɛmaŋ*», которое в соединении с «*ba*» означает посланец, где «*ba*» выступает в форме множественного числа «*ma*» опять в результате ассимиляции. Наконец, третья часть слова — «*ɛbofo*» состоит из «*bo*» — слова, имеющего по словарю Кристаллера 115 значений и «*fo*» — человек. Эти примеры приведены мною для того, чтобы продемонстрировать, насколько сложны проблемы выяснения этимологического значения составных слов в языке тви.

При изучении этого языка, равно как и эве и прочих языков, называемых языками ква, надо иметь в виду, что все они различают два вида фонем — «*o*» и «*ɔ*», два вида — «*e*» и «*ɛ*». Гласные различаются, кроме того, степенью назализации, влияние носовых согласных сказывается на изменении соседних звуков, например, «*ba*» при носовом предшествующем ему дает всегда «*mpa*», и т. д.

Однако основная трудность в исследовании языков ква состоит в том, что все эти языки имеют грамматические и семантические тоны. Значение тонов нельзя недооценивать. Приведу только один пример.

В составе слова «*aberewá*» — «старая женщина», «мать» легко выделяются 1) «*abere*» и 2) «*wá*», упоминавшийся выше суффикс. Основа слова «*bere*» требует обязательного различения тонов, так как при их помощи различаются: «*abere*» — время; «*beré*» — расти, становиться красным, желтеть; «*béré*» — приносить; «*běré*» — усталость; «*beré*» — способ, которым... (что-либо делается); «*bereɔ*» — листья одного из видов пальмы; «*abere*» — антилопа; «*ɛbére*» — место, время, сезон (мн. ч. «*mpére*»). Открытость необходимо различать и в терминах родства: «*ɔsé*» — отец (не мой родитель); «*osé*» — слово.

Приведенные выше рассуждения показывают, что в статье В. А. Попова допущены неточности: так, на с. 91 говорится, что «*afe*» означает год, лицо равного возраста или ранга, товарищ. Однако это два разных слова, различающиеся фонематически — год — «*afe*», сотоварищ — «*afɛ*» (т. е. звук *e* открытый).

Таким образом, без учета фонетического состава языка тви, открытости и закрытости гласных, учета тональной системы невозможны серьезные изыскания этимологического характера. Поступать так означало бы заниматься предположениями, несомненно интересными, но не основанными на знании языка.

И все же статья В. А. Попова при всех отмеченных мною недостатках, заслуживает внимания. Прослеживая указанные им этимологические связи и отмечая допущенные им ошибки, не могу не отметить, что среди его сопоставлений есть наблюдения, заставляющие задуматься.

маться. Надо учитывать также, что в сочетаниях составных слов происходят изменения в тональности, большое значение имеют и процессы ассимиляции, изменяющие порою слова почти до неузнаваемости. Словом, следует продолжать работы в этом направлении.

LINGUISTIC DATA IN PREHISTORICAL RECONSTRUCTIONS

V. A. Popov's paper (written, as he himself points out in his subtitle, by way of «introducing the problem») is certainly one open to discussion and the problem itself has been correctly posed. It is indubitably true that organizations of the *Asafo* and *Fekuo* type and many analogous terms are related to age class systems and age groups. It is also true that all such organizations are not only typical of East African cattle breeders but are widely prevalent among peoples of West Sudan, among agricultural tribes and nationalities over the whole Guinea Bay coastal area including the Akans. However, the whole system of linguistic-based proofs is objected to as lacking scientific precision. Any attempt at elucidating the history and origins of terms and their etymology requires first of all an understanding of the language's phonological structure. But all the examples adduced by V. A. Popov take no account of the complexity of the problem: vowels are not distinguished by quality, the presence of open and closed sounds is ignored, the significance of tonality in Kwa group languages is not noted. Consequently the study remains inconclusive.

К. П. Калиновская

К ПРОБЛЕМЕ ВОЗРАСТНЫХ СИСТЕМ

Вопрос о половозрастных группированиях имеет достаточно давнюю историю. Более полувека прошло со времени выхода работ Шурца, Фробениуса, Кунова, Лоуи, высказавших первые теоретические положения и обобщивших сравнительно небогатый в то время опыт исследования этой проблемы. К настоящему времени наука накопила богатый этнографический материал, отражающий непосредственную связь половозрастных объединений с социальной организацией разных обществ первичной формации. По изобилию данных Африка занимает особое место. И не случайно. Во-первых, на протяжении последних десятилетий учеными обнаружены у многих народов Африки, особенно Восточной, действующие социальные возрастные системы. Во-вторых, Африка дала науке бесценный письменный памятник, зафиксировавший систему возрастных групп галла в конце XVI в.— эфиопскую хронику «История галла». Этот источник особенно ценен для науки, потому что Африка, как известно, в основном континент бесписьменный, все свидетельства по возрастным организациям—это описания европейцев. Хроника галла — памятник, отразивший социальную организацию кочевников-скотоводов, который написан эфиопским автором. Благодаря этому источнику, подтвержденному последующими европейскими описаниями, наука получила возможность подойти к изучению возрастных систем в их историческом развитии и попытаться реконструировать более древние формы такого типа социальной организации.

В процессе освоения проблемы возрастных систем выявились вопросы, изучение которых составило особую область в этнографии. Для материалистически мыслящих исследователей нет сомнения в прямой связи возрастных систем с исторически универсальным явлением половозрастного разделения труда. Еще до сравнительно недавнего времени вопрос об основе таких социальных форм оставался дискуссионным в зарубежной науке. Труды многих советских ученых сыграли немалую роль в его решении. Благодаря работам С. П. Толстова, Г. П. Снесарева, К. В. Тревер, И. Л. Андреева, Н. А. Бутинова и др. было сформулировано положение о том, что базой возрастных систем явилось функциональное разделение труда в процессе общественного